

Список литературы

1. Змановская Е. В. Девиантология : психология отклоняющегося поведения. М., 2006. 288 с.
2. Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. М., 2000. 339 с.
3. Шадриков В. Д. Проблемы системогенеза профессио-

нальной деятельности. М., 1982. 185 с.

4. Шадриков В. Д. Психология деятельности и способности человека : учеб. пособие, 2-е изд. М., 1996. 320 с.
5. Леонтьев Д. А. Ценность как междисциплинарное понятие : опыт многомерной реконструкции // Вопр. философии. 1996. № 4. С. 22–24.

Value-Motivational Determination of Behaviour of the Individual

A. V. Pechersky

Saratov State University
Ulitsa Astrakhanskaya, 83, 410012 Saratov, Russia
E-mail: alekseypecherskij@yandex.ru

The subject areas of the article scientific materials are the functional characteristics of the value and motivation of individual adolescents and youth with deviant behavior. Identification of these characteristics is the purpose of a study carried out by the author. The empirical research tools are the methods of «Diagnostics system of value orientations of personality» by E. B. Fantalova and «Polimotivational trends in diagnostics of ego-conception of personality» by S. M. Petrova.

The study results suggest specificity of value-semantic and motivational formations deviant adolescents and young people have, as manifested in the integrative indicators of understanding of the values and motives of self-realization; in the structure of the humanitarian component of value-semantic system; on the level of awareness of personal sense of spiritual values. The study obtained data allow us to identify systemic linkages intraindividual factors in the genesis of the deviant behavior of the individual, which provides an opportunity to improve the educational, corrective and advisory practices.

Key words: deviant personality, value system, motivational education, genesis of long course of conduct, the determination.

References

1. Zmanovskaya E. V. *Deviantologiya: Psikhologiya otklonnyayushchegosya povedeniya* (Deviantologiya: psychology of deviating behavior). Moscow, 2006. 288 p.
2. Ananyev B. G. *Chelovek kak predmet poznaniya* (Person as knowledge subject). Moscow, 2000. 339 p.
3. Shadrikov V. D. *Problemy sistemogeneza professionalnoy deyatel'nosti*. (Systemgenetic problems of professional

activity). Moscow, 1982. 185 p.

4. Shadrikov V. D. *Psikhologiya deyatel'nosti i sposobnosti cheloveka* (Psychology of activity and humans ability). Moscow, 1996. 320 p.
5. Leontyev D. A. Tsennost kak mezhdistiplinarnoye ponyatiye: opyt mnogomernoy rekonstruktsii (Value as an interdisciplinary concept: the experience of multi-dimensional reconstruction). *Voprosy filosofii* (Issues of philosophy), 1996, no. 4, pp. 22–24.

УДК 316.6+159.942

ДЕТЕРМИНАНТЫ САМОРЕПРЕЗЕНТАЦИЙ ЛИЧНОСТИ

Е. В. Рягузова

Рягузова Елена Владимировна – кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии, Саратовский государственный университет
E-mail: rjaguzova@yandex.ru

Представлены результаты эмпирического исследования, направленного на изучение субъективного оценивания собственного визуального изображения, репрезентированного на фотографиях, а также связи характеристик оцениваемого образа с личностными качествами и особенностями самоотношения. Опираясь на разработанную концепцию личностных репрезентаций взаимодействия «Я – Другой» и используя как классические, так и авторские методики исследования, выявлены основные детерминанты личностных саморепрезентаций «Я-реальное» и «Я-идеальное» (социокультурный контекст, социально-психологические факторы, личностные свойства и

особенности самоотношения). Установлены связи между саморепрезентациями, свойствами личности и особенностями ее самоотношения. Прикладной аспект исследуемой проблемы может быть реализован в психологических программах тренингов по развитию личности, при решении практических задач по оптимизации реальных межличностных взаимодействий и взаимоотношений, а также для формирования гармоничной идентичности личности.

Ключевые слова: саморепрезентация, Я-реальное, Я-идеальное, фотография, личностные свойства, особенности самоотношения.

В период глобализационных вызовов и цивилизационных рисков, нарастания информатизации современного общества и усиления проницаемости разного рода границ (экономических, социальных, культурных, информационных), повышения мобильности всех социальных акторов и фасилитации межкультурных связей и отношений важным является сохранение идентичности личности, группы, этноса, их эксклюзивности и неповторимости. Не случайно на одной из площадей в центре Чикаго экспонируется произведение современного искусства, предостерегающее людей от единообразия, безликости, схожести и отсутствия самобытности и призывающее их оставаться самими собой, бережно относиться к собственной индивидуальности и своеобразию. Заметим, что это предостережение имеет отношение как к отдельной личности, группе, этносу, городу, так и ко всему социуму в целом. Именно идентичность и самобытность выступают конкурентоспособными ресурсами личности, группы, государства в современных условиях и обеспечивают им субъектную устойчивость, развитие и безопасность.

В связи с угрозой кризиса идентичности и нечеткостью границ самоидентификации формирование умений самопрезентации на каждом из перечисленных уровней (личность, группа, социум), связанных с эффективной коммуникацией, позволяющей создавать привлекательный образ, демонстрировать различного рода компетенции, нравственную и этическую безупречность, приобретает в настоящее время особую актуальность и значимость.

Различные аспекты проблемы самопрезентации изучаются в контексте интеракционизма и теории ролей (Р. Аркин, Дж. Батлер, Р. Баумейстер, И. Гофман, Т. Питтман, М. Снайдер, Д. Тайс, А. Шутц). В русле теории социального познания исследуются условия формирования первого впечатления (А. А. Бодалев, В. Н. Панферов); мотивы, умения, способности, обуславливающие предъявление себя другим (Л. К. Аверченко, В. Н. Амяга, М. В. Бородина, Е. М. Зимачева, Е. В. Зинченко, Н. В. Казаринова, Т. В. Климова, Е. И. Коробко, Ю. С. Крижанская, Е. В. Кузнецова, В. Н. Куницына, Е. Б. Перельгина, Е. А. Петрова, М. В. Погольша, Е. А. Соколова-Бауш, В. П. Третьяков, В. М. Фигуровская, В. В. Хороших, В. М. Шепель, И. П. Шкуратова и др.), визуальные самоподачи образа Я в общении (Р. Э. Вардьян, М. Н. Котлярова, В. А. Лабунская, Е. А. Петрова, И. И. Петрова и др.). Однако влияние различных факторов на самопрезентацию личности изучено недостаточно. Среди немногочисленных работ можно выделить исследования Н. В. Антоновой, И. Гофмана, А. А. Дятловой, А. М. Колышко, Д. В. Погонцевой, Н. И. Сарджвеладзе.

Цель работы: на основе анализа связей специфики личностных саморепрезентаций «Я-реальное» / «Я-идеальное», субъективного оценивания объективированного образа Я (собственного визуального изображения, представленного на фотографиях), свойств и особенностей самоотношения личности выявить основные детерминанты ее самопрезентаций.

Организация исследования

В исследовании принимали участие 30 испытуемых в возрасте 19–25 лет, с которыми было проведено психологическое тестирование, включающее в себя следующие методики: 16-факторный личностный опросник Р. Кеттела; опросник самоотношения (ОСО) С. Р. Пантелеева, В. В. Столина; методика «Семантический дифференциал» (СД); методика рефлексивного самоотчета «Я и Другой» [1].

В качестве стимульного материала использовались фотографии испытуемых, полученные с помощью веб-камеры в двух принципиально различных экспериментальных ситуациях: ситуации скрытого фотографирования во время предъявления инструкции, когда испытуемый ведет себя естественно и спонтанно, и ситуации открытого фотографирования, когда испытуемый может демонстрировать различные приемы самопрезентации. Затем из всего набора полученных изображений респондент выбирал, исходя из субъективных предпочтений, самую удачную и самую неудачную фотографии, которые в дальнейшем оценивались им по факторам «Сила», «Активность» и «Оценка» методики «Семантический дифференциал» [2].

Результаты исследования и обсуждение

Вербальная часть методики рефлексивного самоотчета «Я и Другой» позволила определить номенклатуру характеристик, атрибутируемых идеальному Я или идеальному Другому, включающую в себя как описание параметров внешнего облика («симпатичный», «красивый», «ухаженный»), так и реестр личностных свойств («неконфликтность», «уверенность», «общительность», «активность», «честность», «решительность»), перечень желательных установок, обуславливающих действия («умение принимать решения», «стремление к гармоничности, полноценности», «самореализация», «доминирование») и особенностей межличностных взаимодействий («внимательное и положительное отношение к окружающим», «успешность», «реализация аффилиативной потребности»). Ответы включали 1220 определений и качеств разного рода. В результате первичного семантического анализа полученных данных их число сократилось, и была выделена 21 характеристика, наиболее часто

обозначаемая респондентами (количество упоминаний составило 10,3% от общего числа ответов и не учитывалось в ходе дальнейшего анализа), приведенная ниже с учетом приписываемых рангов: внимательное и положительное отношение к окружающим; позитивные эмоции; стремление к гармоничности и полноценности; потребность в аффилиации; активность; самореализация; честность; успешность; нормативность; интеллектуальные качества; волевые свойства; уверенность; умение принимать решения и решительность; рационализм; общительность; неконфликтность; внешняя привлекательность; адаптивность; эмоциональность; критичность; доминирование.

Приведенные свойства, качества и режимы действия отражают перечень социально-апробированных нормативов и предписанных паттернов поведения, которые интернализуются личностью в ходе социализации. Следовательно, личностная саморепрезентация «идеальное Я» представляет собой социальный конструкт, зафиксированный в культуре, обществе, группе, в которые интегрирована личность, и содержательно наполненный социальными представлениями о «правильном» генерализованном Другом.

Графическая часть методики рефлексивного самоотчета «Я и Другой» способствовала уточнению сформулированного вывода. Образ «идеальное Я» отличался от образа «реальное Я» с точки зрения гармоничности изображаемого, т.е. завершенности рисунка, связности его деталей в одно целое, позитивности и оптимистичности представленных тем и сюжетов. Но главное отличие заключалось в контексте: рисунок «Реальное Я» был вписан в контекст повседневности, под которым понимается как обыденная, каждодневная жизнь человека, так и сфера коммуникации, основанная на символических способах понимания себя и Другого и играющая консолидирующую роль для идентификации себя, Другого и социальной группы. Соответственно, «Я-реальное» включено в повседневную жизнь на институциональном уровне. Рисунки, репрезентирующие «Я-реальное», были связаны с теми или иными конкретными социальными институтами («Я в кругу семьи», «Я в университете»), с различными значимыми Другими («Я среди друзей», «Я в группе сокурсников»), с доминирующими интересами и индивидуальными предпочтениями («Я за компьютером», «Я танцующая с зачеткой в руках», «Я среди множества книг»). Заметим, что повседневность как совокупность повторяющихся, знакомых, типичных ситуаций включает в себя самого субъекта и Других, а дискурс повседневности ориентирован на констатацию и оценку «объективной» реальности, обладающей конкретными значениями. Именно в мире повседневности возникает возможность взглянуть на себя глазами Другого, поскольку этот Другой

является имманентным самой повседневности. Развивая свое «Я», личность постоянно вступает в социальную игру с Другими, меняя свои позиции на роли других. Формируя собственную идентичность, индивид становится тем, кем он является, благодаря направляющим воздействиям значимых Других. Можно сказать, что это латентное незримое навязывание Другими тех или иных ролей сопровождается переработкой позиций, которые они занимают по отношению к конкретной личности.

Контекст рисунков «Я-идеальное» был совсем иным: он задавался имиджевыми и статусными показателями успешности: *материальный достаток и финансовая состоятельность, цветы и аплодисменты, доска почета и награды*. Соответственно, репрезентируя «Я-идеальное», респонденты взаимодействовали не с конкретными образами, а скорее с имеющимися отрефлексируемыми понятиями, смыслами, усвоенными и присвоенными в процессе социализации, которые имплицитно связаны с социальным принятием и общественным признанием, с высокими достижениями, устойчивым успехом и прочной репутацией. Эти понятия и смыслы отражают опыт межличностного взаимодействия Я и Другого, являясь его результатами.

Позиционируя фотографию как способ объективации, дающий возможность увидеть себя со стороны, глазами Другого, мы считаем, что визуальные изображения являются средствами самопрезентации, понимая под самопрезентацией, вслед за И. Гофманом, «не только управление впечатлениями других людей, но и один из способов получения знаний субъекта о самом себе, об отношении к самому себе» [3, с. 266]. Презентируя себя, личность начинает играть ту или иную роль, трансформировать свой образ, демонстрировать выигрышные (с субъективной точки зрения) личностные качества и особенности внешности. Р. Барт пишет: «Как только я чувствую, что попадаю в объектив, все меняется: я конституирую себя в процессе “позирования”, я мгновенно фабрикую себе другое тело, заранее превращая себя в образ» [4, с. 5].

Для установления взаимосвязей между оценками «Я-реальное» и «Я-идеальное» был использован непараметрический метод ранговых корреляций Спирмена. Результаты выявили согласованное изменение оценок удачных фотографий с оценками «Я-идеальное» по факторам «Оценка» ($r = 0,47$, при $p \leq 0,05$) и «Сила» ($r = 0,45$, при $p \leq 0,05$), подтверждая сделанный выше вывод о том, что саморепрезентация «Я-идеальное» представляет собой проекцию социально сконструированного взгляда личности на обобщенного Другого. Этот тезис согласуется с мнением П. Бурдые, который, исследуя фотографии, приходит к выводу, что большинство из них выражают, несмотря на внутреннюю направленность

и замысел фотографа, систему схем восприятия, мышления и оценок, общую для всей группы [5]. Субъект, позиционируя фотографию как некий эквивалент текста (сообщения) и отобразив с субъективной точки зрения удачную фотографию, демонстрирует готовность к социальному предъявлению себя Другому/Другим. Соответственно, фотография может становиться нормой того, как реальные объекты или конкретные субъекты должны восприниматься, хотя между фотоизображением и реальностью нельзя поставить знак равенства [6]. П. Штомпка уточняет: «В визуальную эпоху большое значение в межличностном общении приобретает образ. Образы переносят информацию, знания, эмоции, эстетические ощущения, ценности. Они воздействуют не только на сознание, но и на подсознание» [7, с. 7].

Отсутствие значимых корреляций между оценками «Я-идеальное» и оценками неудачных фотографий было ожидаемым, изначально предполагаемым и обусловленным тем, что негативно маркированные события, переживания, отношения, образы не могут содержательно наполнять такой конструкт, как «Я-идеальное», который представляет собой совершенный образец, эталон, конструктивную преобразующую сущность, связанную с активностью, интенциональностью и избирательной направленностью.

Интерес вызывают корреляционные связи между оценками «Я-реальное» и удачной/неудачной фотографией по факторам семантического дифференциала. Установлены положительные корреляции по всем факторам СД: для удачных образов $r = 0,37$, при $p \leq 0,05$ по «Оценке»; $r = 0,32$, при $p \leq 0,05$ по «Силе» и $r = 0,4$, при $p \leq 0,01$ по «Активности»; а для субъективно неудачных фотографий $r = 0,41$, при $p \leq 0,05$ по «Оценке», $r = 0,42$, при $p \leq 0,05$ по «Силе» и $r = 0,37$, при $p \leq 0,01$ по «Активности».

Связь между оценками «Я-реальное» и актуальной фотографией, сделанной в режиме «здесь-и-теперь», видится нам вполне закономерной. Во-первых, это обусловлено включенностью «Я-реальное» в контекст повседневности, о чем мы уже упоминали выше, а также тем, что моментальная фотография объективирует и фиксирует именно фрагмент повседневности, выступая средством самопрезентации. Соответственно, совокупность реальных представлений о себе и моментальный снимок являются внутренне согласованными и репрезентируют опыт повседневных интеракций, коммуникаций с Другими и не могут быть не связанными друг с другом. Известно, что одними из ключевых функций фотографии [8, 9] (наряду с актуализирующей, стимулирующей, интегрирующей и функцией отражения динамики внешних и внутренних изменений) являются функции объективирования и смыслообразования, способствующие тому, что фотография делает

зримыми переживания и личностные особенности человека, отраженные в его внешнем облике, и дает возможность проявления саморефлексии. Во-вторых, мы считаем, что валентность самой фотографии (удачная или неудачная фотография) в рамках нашего исследования не имеет принципиального значения, поскольку можно полностью согласиться с В. М. Аллахвердовым, что позитивный выбор одних значений и негативный выбор других – необходимое условие понимания [10]. Заметим, что в целом негативная оценка внешнего облика выступает ключевым регулятором поведения и важной детерминантой самосознания. По мнению В. А. Лабунской, переживание индивидом потери привлекательности внешнего облика «приводит не только к перестраиванию социально-психологической структуры личности, но и к реструктурированию связей субъекта с миром» [11, с. 268]. Следствием подобных рефигураций интерсубъективного и интерсубъектного опыта может стать «сворачивание» презентаций и самопрезентаций внешнего «Я».

Фотографию можно трактовать как сообщение, адресованное не только Другому, но и самому себе. Рассматривая, в нашем случае, отбирая и оценивая различные версии собственного фото-образа, человек выбирает те фотографии, которые, по словам Л. Рагт, «просто снабжают разделенную и множественную («децентрированную») личность визуальной метафорой, ее самообразом <...> фотографическая технология, подобно другим человеческим изобретениям, предлагает расширение и реализацию уже вообразенных образов» [12, с. 427]. Следовательно, содержание «Я-реальное» включает в себя различные визуальные метафоры, в том числе и негативно маркированные.

Безусловно, выбор визуальных репрезентаций обусловлен не только интерсубъективным опытом межличностных интеракций, но и личностными predispositionами и установками. В связи с этим проанализируем связь субъективного оценивания собственного визуального образа с некоторыми личностными свойствами и особенностями ее самоотношения.

Экспрессивные и жизнерадостные респонденты одинаково высоко оценивают как удачные ($r = 0,48$, при $p \leq 0,05$), так и неудачные фотографии ($r = 0,44$, при $p \leq 0,05$), что, по-видимому, можно объяснить их открытостью, готовностью к различным коммуникативным контактам и общим позитивным настроением: они с легкостью принимают как многообразие собственных обликов независимо от их качественной оценки, так и многоликость Другого, находя в этом положительные моменты.

Личности, характеризующиеся социальной смелостью и рискованностью, преувеличивают значимость неудачных фотографий ($r = 0,41$, при

$p \leq 0,05$), что также отмечается у людей с такими доминирующими в личностном профиле качествами, как автономность, самодостаточность, независимость ($r = -0,36$, при $p \leq 0,05$). На наш взгляд, эти результаты можно интерпретировать в контексте теорий социальной идентичности Г. Тэджфела и самокатегоризации Дж. Тернера [13]: личности с достаточно ярко выраженной персональной идентичностью в ситуациях, не угрожающих ингруппе и не подвергающих сомнению их групповую принадлежность, стараются придерживаться независимых и автономных суждений, подсознательно противопоставляя свое мнение предполагаемому мнению большинства.

Склонные к лидерству и (само)уверенные личности завышают оценки удачной фотографии по фактору «Сила» ($r = 0,48$, при $p \leq 0,05$), тогда как доверчивые и конформные люди демонстрируют противоположную тенденцию ($r = -0,36$, при $p \leq 0,01$). Полученные результаты свидетельствуют о том, что лидерские качества тесно связаны с успехом в различных сферах реализации личности и разнообразных видах ее деятельности (игра, учение, труд, общение), обуславливают эффективные поведенческие модели и определяют значимость и важность такого фактора, как внешняя привлекательность. Что касается конформных личностей, то они в большей степени ориентированы на общепринятые образцы и эталоны, групповую норму и правила и в меньшей степени доверяют собственным оценкам.

Оценки неудачных фотографий по фактору «Сила» положительно коррелируют с открытостью и коммуникабельностью ($r = 0,42$, $p \leq 0,05$), что согласуется с выводами, сделанными нами выше относительно экспрессивных и жизнерадостных респондентов. Подобная оценка неудачной фотографии по фактору «Активность», значимо связанная с эмоциональной напряженностью и фрустрированностью ($r = 0,41$, при $p \leq 0,05$), по нашему мнению, обусловлена ситуационным контекстом.

Выявлена связь модальности фотографического изображения и особенностей самооотношения личности. Оценки неудачных фотографий по всем факторам семантического дифференциала коррелируют с показателями шкалы «Самоинтерес»: по фактору «Оценка» ($r = 0,39$); по фактору «Сила» ($r = 0,41$), по фактору «Активность» ($r = 0,38$). Полученный результат обусловлен, с нашей точки зрения, глобальной установкой личности на самопознание, саморазвитие и самодетерминацию. Именно фотография дает возможность личности увидеть и оценить себя со стороны, с позиций внешних критериев, принятых и усвоенных в группе.

Оценки неудачных фотографий по фактору «Оценка» коррелируют с такой шкалой, как «Ожидаемое отношение от других» ($r = 0,39$), что

подтверждает сделанный выше вывод о внешней детерминации оценок, об их ориентации на мнение группы, в которую интегрирована личность. Аналогичные оценки по фактору «Активность» имеют значимые связи со шкалой «Самообвинение» ($r = 0,37$), что может трактоваться как скрытый упрек личности самой себе за те или иные несовершенные действия, нереализованные интенции и неосуществленные желания.

Что касается удачных фотографий, то их оценка по фактору «Оценка» связана со шкалой «Самопринятие» ($r = 0,48$, при $p \leq 0,01$), свидетельствуя о том, что более высоко оценивают свой фотографический образ личности с позитивным мышлением, эмоциональные, принимающие себя и окружающих, имеющие базовое доверие к миру и позитивное отношение к себе и Другому, т.е. личности с высоким уровнем самопринятия склонны давать более высокие оценки своему визуальному изображению.

Установлено, что позитивная валентность визуальной саморепрезентации связана с такой устойчивой подструктурой личности, как «Я-идеальное», которая представляет собой феноменологическую рефлексивную идеальную модель конфигурации собственной самости. При этом выявленная связь характерна только для уверенных в себе личностей, склонных к доминированию, способных принимать решения и стремящихся к самоутверждению.

Выводы

Саморепрезентации «Я-реальное» и «Я-идеальное», а также субъективная оценка собственного визуального образа на фотографии являются результатами интерсубъектного взаимодействия «Я – Другой». Они формируются с учетом социокультурных условий в процессе социализации благодаря присутствию Других, главным образом, значимых Других через конструирование личностных репрезентаций взаимодействия «Я – Другой». Саморепрезентации «Я-реальное» и «Я-идеальное» ориентированы на социальное предъявление (презентацию) Другому как субъекту деятельности, отношений, переживаний.

Личностная саморепрезентация «Я-идеальное» представляет собой проекцию социально сконструированного взгляда личности на обобщенного Другого, сформированного в ходе социализации.

Личностная саморепрезентация «Я-реальное» вписана в повседневную жизнь на институциональном уровне, а ее смысловое содержание состоит из различных визуальных и вербальных метафор, как позитивно, так и негативно окрашенных.

Фотография может рассматриваться в виде социально обусловленной императивной нормы того, как реальные объекты или конкретные субъекты должны позиционироваться и вос-

приниматься членами интрогруппы. Совокупность реальных представлений о себе и моментальный снимок являются внутренне согласованными и репрезентируют опыт повседневных интеракций и коммуникаций с Другими.

Эмпирически установлено, что помимо социокультурных и социально-психологических факторов личностные саморепрезентации «Я-реальное» и «Я-идеальное» детерминированы личностными свойствами (общительность, доминантность, экспрессивность, смелость, напряженность) и обусловлены спецификой самоотношения личности (самоинтерес, ожидаемое отношение других, самообвинение, самопринятие).

Список литературы

1. Рязузова Е. В. Показатели методики рефлексивного самоотчета «Я и Другой» как индикаторы интерсубъективности // Проблемы социальной психологии личности : межвуз. сб. на-уч. тр. Саратов, 2011. С. 14–21.
2. Еремина Д. Р., Рязузова Е. В. Взаимосвязь визуальной самопрезентации и особенностей Я-концепции // Проблемы социальной психологии личности : межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2009. Вып. 7. С. 83–90.
3. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / пер. с англ. и вступ. статья А. Д. Ковалева. М., 2000. 302 с.
4. Барт Р. Camera lucida : комментарии к фотографии. М., 1997. 223 с.
5. Круткин В. Пьер Бурдьё : фотография как средство и индекс социальной интеграции. URL: http://rfaf.ru/rus/library/25_b1194_view_p1 (дата обращения: 27.03.2008).
6. Грицай М. Особенности теории С. Зонтаг. URL: <http://photo-element.ru/analysis/mashe/sontag.html> (дата обращения: 09.02.2008).
7. Штомпка П. Визуальная социология. Фотография как метод исследования / вступ. ст. Н. Е. Покровского. М., 2007. 168 с.
8. Копытин А. И. Тренинг по фототерапии. СПб., 2003. 96 с.
9. Нуркова В. В. Зеркало с памятью. Феномен фотографии. Культурно-исторический анализ. М., 2006. 288 с.
10. Аллахвердов В. М. Сознание как парадокс. СПб., 2000. 528 с.
11. Психология личности : учеб. пособие / под ред. проф. П. Н. Ермакова, проф. В. А. Лабунской. М., 2007. 653 с.
12. Круткин В. Фотография и автобиография в исследовании Линды Х. Рагг // Визуальная антропология : новый взгляд на социальную реальность : сб. науч. ст. / под ред. Е. Ярской-Смирновой, П. Романова, В. Круткина. Саратов, 2006. 528 с.
13. Тернер Дж. Социальное влияние. СПб., 2003. 256 с.

Determinants of Self-Representations of the Personality

E. V. Ryaguzova

Saratov State University
Ulitsa Astrakhanskaya, 83, 410012 Saratov, Russia
E-mail: rjaguzova@yandex.ru

Results of the empirical study are presented. Scientific research is directed on studying of subjective estimation of own visual image, presented in photos, and also connections of characteristics of an estimated image with personal qualities and features of the self-relation. On the basis of the developed concept of personal representations of “I - Other” interaction and using both classical and author’s methods of research, the main determinants of personal self-representations “I-real” and “I-ideal” are identified (socio-cultural context, socio-psychological factors, personal characteristics and characteristics of self-relation). Connections are established between self-representations, properties of the personality and features of her self-relation. Applied aspect of analyzing the problem can be implemented in psychosocial programs for training of personal development, to solve practical problems to optimize their interpersonal interaction and relationships, as well as to create a harmonious personal identity.

Key words: self-representation, I-really, I-perfect, picture, personal characteristics, features self-relation.

References

1. Ryaguzova E. V. Pokazateli metodiki refleksivnogo samootcheta «Ya i Drugoy» kak indikatory intersubektivnosti (Indices of methodology of the reflexive self-report “I and Others” as indicators of intersubjectivity). *Problemy sotsialnoy psikhologii lichnosti: mezhvuz. sb. nauch. tr.* (Problems of social psychology of personality). Saratov, 2011. Pp. 14–21.
2. Eremina D. R., Ryaguzova E. V. Vzaimosvyaz vizualnoy samoprezentatsii i osobennostey Ya-konceptsii (The relationship of visual self-presentation and particularity of self-concept). *Problemy sotsialnoy psikhologii lichnosti: mezhvuz. sb. nauch. tr.* (Problems of social psychology of personality). Saratov, 2009. Vol. 7. Pp. 83–90.
3. Gofman I. *Predstavleniye sebya drugim v povsednevnoy zhizni* / per. s angl. i vstup. statya A. D. Kovaleva (Presentation of Self as Other in everyday life). Moscow, 2000. 302 p.
4. Barthes R. *Camera lucida: Reflections on Photography*. N.Y., 1981, 119 p. (Russ. ed.: Bart R. *Camera lucida: kommentariy k fotografii*. Moscow, 1997. 223 p.).
5. Krutkin V. *Pyer Burdye: fotografiya kak sredstvo i indeks sotsialnoy integratsii* (Pierre Bourdieu: Photography as means and index of social integration). *Vestnik Udmurtskogo universiteta* (Udmurt State University Bulletin), 2006, no. 3, p. 40–55.

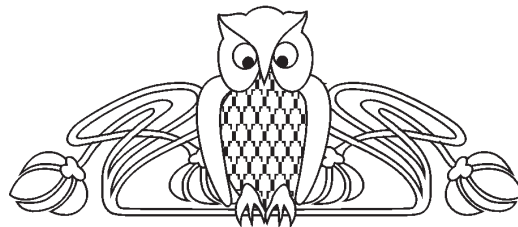
6. Gritsay M. *Osobennosti teorii S. Zontag* (The peculiarities of S. Sontag's theory), available at: <http://photo-element.ru/analysis/mashe/sontag.html>
7. Sztompka P. *Vizualnay asotsiologiya. Fotografija kak metod issledovaniya* / v stup. st. N. E. Pokrovskij (Visual sociology: Photography as a research method). Moscow, 2007. 168 p.
8. Kopytin A. I. *Trening pofototerapii* (Training on phototherapy). St. Petersburg, 2003. 96 p.
9. Nurkova V. V. *Zerkalo s pamyatyu. Fenomen fotografii. Kulturno-istoricheskij analiz* (Mirror with memory. The phenomenon of photography. Cultural and historical analysis). Moscow, 2006. 288 p.
10. Allakhverdov V. M. *Soznaniye kak paradoks* (Consciousness as a paradox). St. Petersburg, 2000. 528 p.
11. *Psikhologiya lichnosti* / pod red. prof. P. N. Ermakova, prof. V. A. Labunskoy (Psychology of personality). Moscow, 2007. 653 p.
12. Krutkin V. *Fotografija i avtobiografija v issledovanii Lindy X. Ragg: (Photo and autobiography in a study by Linda X. Wragg). Vizualnaya antropologiya: novyy vzglyad na sotsialnyu realnost: Sb. nauch. st. / pod red. E. Yarskoy-Smirnovoy, P. Romanova, V. Krutkina.* (Visual Anthropology: a new perspective on social reality). Saratov, 2006. 528 p.
13. Turner J. C. *Social influence*. Milton, 1991, 206 p. (Russ. ed. Terner Dzh. *Sotsialnoye vliyaniye*. St.-Petersburg, 2003. 256 p.)

УДК 159.922.7

ФУНКЦИИ И ДИСФУНКЦИИ ЗАТРУДНЕННОГО ОБЩЕНИЯ НА РАННИХ ЭТАПАХ ОНТОГЕНЕЗА

А. Г. Самохвалова

Самохвалова Анна Геннадьевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры социальной психологии, Костромской государственной университет имени Н. А. Некрасова
E-mail: samohvalova@kmtu.ru

Предметом настоящего исследования является затрудненное общение ребенка, целью исследования – выявление функционального характера затрудненного общения. В статье представлено авторское определение затрудненного общения; выявлены его субъективные и объективные критерии; отражена роль коммуникативных трудностей в личностном развитии ребенка. Материал статьи основан на экспериментальном изучении затрудненного общения детей дошкольного, младшего школьного, подросткового возрастов, а также на ретроспективном самоотчете молодых людей, которые анализировали роль затрудненного общения в личностном развитии. Функциональный анализ позволил выделить функции затрудненного общения – психологической защиты, самоактуализации, самоутверждения, самопонимания, социального закалывания, экспрессивную, функцию динамики межличностных отношений – и дисфункции – дезадаптации, дезинформации, дестабилизации, демобилизации, деиндивидуализации, диффузии идентичности субъекта общения, дистанцирования, разрушения межличностных отношений, формализации общения. Результаты исследования показали функциональную противоречивость и динамичность ситуаций детского затрудненного общения.

Ключевые слова: затрудненное общение, коммуникативные трудности, функции, дисфункции.

В процессе онтогенеза все люди неизбежно и многократно сталкиваются с проблемными, трудными, конфликтными ситуациями межличностного общения. Несомненно, эти ситуации доставляют немало переживаний, осложняют достижение целей, ухудшают взаимоотношения, но, с другой стороны, способствуют самопо-

ниманию, самоактуализации и саморазвитию человека. В данной статье предпринята попытка отразить функциональную многогранность и противоречивость детского затрудненного общения.

Многочисленные данные отечественных психологов (А. А. Бодалева, Г. А. Ковалева, В. Н. Куницыной, В. А. Лабунской, Ю. А. Мендерицкой, Е. В. Цукановой и др.) подтверждают существование специфического по психологическому содержанию феномена затрудненного общения. В некоторых исследованиях подчеркивается, что механизмы затрудненного общения складываются, начиная с раннего возраста (Л. И. Божович, М. И. Буянова, М. И. Лисина, А. А. Рояк и др.). Однако функциональный аспект, отражающий роль затрудненного общения для коммуникативно-личностного развития ребенка, в науке не рассмотрен.

Затрудненное общение мы рассматриваем как процесс нарушенного межличностного взаимодействия детей, препятствующий эффективному решению задач общения, сопряженный с возникновением субъективных переживаний, непониманием партнерами друг друга, негативными изменениями в межличностных отношениях, актуализацией деструктивных моделей взаимодействия. Феномен затрудненного общения включает в себя как субъективную, так и объективную составляющие.